

Спустя три дня Хань Жуй вместе с Лу Ливэнем уехали в дивизию.

Перед отправлением командир роты У Тао устроил целое напутственное собрание. Однако оба его любимых бойца витали где-то в облаках, пропуская пламенную речь командира мимо ушей.

— Твою мать, ну и черти! — сплюнул У Тао.

— Да ладно вам, ротный, отпустите их со спокойной душой, — добродушно отозвался Гао Цзяньго. — Главное, пусть почетный вымпел привезут!

Командир первого отделения так и лучился оптимизмом. Впрочем, причин для уныния у него не водилось: оба отобранных элитных бойца служили в его подчинении. Это грело душу и льстило самолюбию так сильно, что Гао Цзяньго теперь ходил исключительно с гордо поднятой головой, прямо-таки паря над землей.

— Береги себя, сильно не надрывайся, — Шэн Синъюань, улучив момент, быстро нагнал Хань Жуй.

— Знаю, — кивнул Хань Жуй, и в его взгляде на миг проскользнула тоскливая неохота. — Ну, я пошел.

— Звони не забывай.

— Хорошо.

Хань Жуй и Лу Ливэнь вышли со двора расположения и направились к штабу полка на общий сбор. Всю дорогу оба хранили молчание.

Шэн Синъюань тоскливо провожал их взглядом, сокрушаясь, что не может поехать вместе с Хань Жуйем хотя бы обычным тыловиком. Лишь когда чужая спина окончательно скрылась из виду, он развернулся и уныло побрел обратно к казарме.

— Ты чего заки, малый? — хмыкнул Лао Ню, пристраиваясь рядом. — Хань Жуй только за порог вышел, а у тебя уже плечи опустились?

Шэн Синъюань натянуто улыбнулся:

— Да ну тебя, скажешь тоже.

— Да не бойсь! Если в первом же туре срежется, дня через три уже назад приковыляет.

— Да не каркай ты под руку! — осадил его подошедший Чжу Юн. Глянув на помрачневшего Шэн Синъюаня, он добавил: — Хань Жуй у нас среди новобранцев лучший. Вот увидишь, еще и призовое место урвет!

Лао Нью потер заросший подбородок и довольно оскалился:

— Ну, за победу точно придется проставляться!

Глядя на то, как у товарища буквально слюнки потекли от предвкушения, Шэн Синъюань лишь молча улыбнулся и покачал головой.

Хоть двоих бойцов и откомандировали на соревнования, темп тренировок в третьей роте не снизился ни на йоту.

«В бой — первыми, в бою — побеждать!» — этот девиз был законом для каждого подразделения. Командир роты У Тао, снискавший славу настоящего тирана по части боевой подготовки, после прошлогоднего досадного проигрыша седьмой роте только и грезил о сокрушительном реванше.

Шэн Синъюань выкладывался на учениях вместе со своим отделением. Физические нагрузки его не пугали, но во время коротких перерывов он ловил себя на том, что то и дело косится вправо.

— Воды хочешь? — спросил он, доставая флягу и протягивая ее на автомате вправо.

Но там никого не оказалось.

Он замер с протянутой рукой, глупо глядя на пустое место, и лишь мгновение спустя с опозданием вспомнил: Хань Жуй уехал.

— Слышь, малый, чего завис? — тяжело отдуваясь, к нему подполз Лао Нью.

Шэн Синъюань натянуто улыбнулся:

— Да так, задумался.

Лао Нью не стал допытываться и лишь кивнул в сторону:

— Видал, какая мина у командира третьего отделения?

— А что такое?

— Мрачнее тучи ходит. Старина Ян мне уже всю жилетку слезами залил, жаловался на его придирки, — Лао Нью цокнул языком.

— Это из-за них с Лу?.. — осторожно понизил голос Шэн Синъюань.

— Да пес их разберет, что там стряслось! — Лао Нью отмахнулся с видом абсолютного безразличия. — Гу Фэй хоть и вспыльчивый, но парень прямой, без двойного дна. Старина Ян сказывал, что тот сам ума не приложит, с чего это Лу Ливэнь вдруг полез на рожон. Ведь перед самыми сборами Лу сам отдал свое место Гу Фэю.

— И почему вдруг передумал?..

— Спроси чего полегче, — Лао Нью снова пожал плечами.

Шэн Синъюань погрузился в раздумья. Раз даже сам Гу Фэй ни черта не понимал, то единственным человеком, способным пролить свет на эту тайну, оставался уехавший в дивизию Лу Ливэнь.

Впрочем, зная характер Лу Ливэня, если он решит молчать — из него и клещами ни единого слова не вытянешь.

— Да забей ты, голову забиваешь, — хохотнул Лао Нью. — Нам-то какое дело до чужих терок?

Шэн Синъюань кивнул и поспешил перевести тему.

Ближе к вечеру от Лу Ливэня пришел короткий звонок — сообщил, что добрались нормально.

В канцелярию роты рядовому хода не было, так что Шэн Синъюань караулил Гао Цзяньго прямо у дверей, изнывая от нетерпения и засыпая командира отделения вопросами.

— Слушай, малый, Лу мне буквально три фразы выдал: «Добрались, всё путем, завтра на старт», — развел руками взмыленный Гао Цзяньго. — Что ты еще из меня выжать пытаешься? Может, сам ему наберешь?

Шэн Синъюань неловко потер кончик носа:

— Да я просто... Хань Жуй как там? Все нормально?

— Да ему что, три года, чтобы за ним с ложечкой бегать да слюни вытирать? — Гао Цзяньго окинул его взглядом, полным искреннего недоумения.

— Да я просто волнуюсь за него, — пробормотал Шэн Синъюань.

— Хватит сопли распускать! — Гао Цзяньго шутливо отвесил ему легкий пинок пониже спины.
— Вернутся через несколько дней, не убудет от твоего ненаглядного!

Однако Шэн Синъюань продолжал топтаться на месте, явно не желая уходить.

— Слышь, Синъюань, — у командира отделения уже голова раскалывалась от его дотошности,
— будешь и дальше мозолить глаза — отправлю в свинарник навоз разгребать!

— Товарищ командир отделения, если будут новости — маякните сразу, ладно? — Шэн Синъюань заговорщически подмигнул и ловко сунул ему в карман пачку сигарет.

Гао Цзяньго без лишних слов прибрал гостинец и нетерпеливо махнул рукой:

— Понял я, понял! Проваливай давай!

Хань Жуй отсутствовал всего сутки, а Шэн Синъюань уже ходил сам не свой. Парни из первого отделения, глядя на его унылую физиономию, всю зубоскалили:

— Да уж, Синъюань, ну ты даешь! Так по другу сохнуть — это уметь надо. Ты погляди на него: наш командир по жене во время разлуки так не убивается, как ты по своему Хань Жую!

Шэн Синъюань лишь молча отмахнулся. Подхватив пластиковый таз, он собрал оставленную Хань Жую грязную форму и побрел в умывальник.

В спину ему полетел дружный казарменный хохот.

Пока шел по коридору, Шэн Синъюань поймал себя на глупой улыбке.

«Неужели я и правда веду себя настолько очевидно?»

— Командир третьего отделения! — вежливо поздоровался Шэн Синъюань, когда в умывальник вошел Гу Фэй. На лице того, как обычно в последние дни, застыла глухая, тяжелая злоба.

— Здорово, — буркнул Гу Фэй. Хоть он и пребывал в отвратительном расположении духа, срываться на младших по званию не привык. Он молча швырнул под кран испачканные глиной кеды и пустил струю ледяной воды.

Возникла неловкая пауза. Промолчать казалось глупостью — все-таки Гу Фэй немало возился с ним на стрельбище, помогая натаскивать меткость. Но начать разговор сейчас — все равно что

наступить на свежую мозоль. Шэн Синъюань искоса понаблюдал за резкими движениями командира отделения, не зная, как разрядить обстановку.

— Стираешь всю? — неожиданно сам нарушил тишину Гу Фэй.

— Ага, — улыбнулся Шэн Синъюань. — Вещи Хань Жуя решил в порядок привести.

О крепкой дружбе этих двоих знала вся рота, поэтому Шэн Синъюань вел себя просто и непринужденно, без лишней скрытности.

Услышав это, Гу Фэй недовольно насупился и криво усмехнулся:

— Слышь, парень... Не стоит так душу перед друзьями наизнанку выворачивать.

— В смысле?

— Не стоит оно того. Не оценят.

Шэн Синъюань нахмурился. Он пристально посмотрел на командира отделения, уловив, как тот едва сдерживает кипящую внутри обиду. Гу Фэй отнюдь не простил и не забыл случившееся; просто теперь, когда Лу Ливэнь уехал на соревнования, излить свою ярость ему было попросту не на кого.

— Командир, может, у Лу были свои причины...

— Слышать о нем не желаю, — оборвал его Гу Фэй, злобно зыркнув исподлобья.

Шэн Синъюань осекся. Поняв, что лучше не лезть на рожон, он негромко обронил:

— Есть.

Тяжелое, давящее безмолвие заполнило умывальник. К счастью, Гу Фэй управился быстро: наспех ополоснул кеды под струей воды, схватил их за задники и направился к выходу.

Но у самого порога он на мгновение замер и не оборачиваясь бросил:

— Помни, что я тебе сказал.

Шэн Синъюань удивленно моргнул.

«Это он к чему?»

— Не раскрывай душу перед другими без остатка. Не стоит оно того.

Шэн Синъюань молча кивнул, провожая широкую спину командира отделения задумчивым взглядом.

«Не раскрывай душу без остатка. Не стоит оно того...»

Уже ночью, лежа в постели, Шэн Синъюань никак не мог избавиться от навязчивых мыслей, раз за разом прокручивая в голове предостережение Гу Фэя. Что именно тот пытался сказать? Намекал на свой горький опыт отношений с Лу Ливэнем или же разглядел что-то в самом Шэн Синъюане?

Он открыл глаза. Сквозь незанавешенное окно в казарму лился холодный лунный свет, заливая комнату призрачным серебром. Шэн Синъюань безучастно уставился на днище верхней койки. Там сейчас было пусто.

Удивительно, но стоило Хань Жую уехать, как сон напрочь улетучился. Заведя руки за голову, Шэн Синъюань тоскливо усмехнулся в темноту. Больше полугода этот парень постоянно находился в поле его зрения, а уж когда они наконец объяснились, то и вовсе сделались неразлучны. К счастью, армейская служба списывала всё на суровую мужскую дружбу — в казарме никого не удивляли близкие товарищеские отношения, да и жесткий распорядок дня, запирающий сотню парней в четырех стенах от подъема до отбоя, делал их постоянное присутствие рядом друг с другом делом вполне естественным.

Обычно в этот час Хань Жуй уже сладко спал на верхнем ярусе, непременно одарив его перед сном особым, только им двоим понятным взглядом.

Сегодня не было ничего. Потому-то и не спалось.

«Не слишком ли я эгоистичен?» — негромко спросил Хань Жуй в тот день, когда Фан Сюэцзяо уехала обратно в город.

«С чего ты это взял?»

«Да просто... — Хань Жуй на секунду замялся. — Девушка ведь она хорошая, стоящая».

«Да неужели? — Шэн Синъюань тогда едва не задохнулся от возмущения. — И ты на полном серьезе считаешь, что мне нужно было ответить ей взаимностью?»

«Я просто подумал... вдруг все дело в окружении? — замялся Хань Жуй. — Вокруг ведь одни

мужчины. А в твоём прежнем мире тебя наверняка окружали совсем другие люди — красивые, успешные...»

«Если я сейчас тебе врежу, ты ведь не сильно обидишься?» — угрожающе протянул тогда Шэн Синъюань.

«Чего?» — Хань Жуй от неожиданности растерялся.

И крепкий кулак действительно не заставил себя ждать. Удар выдался весомым и болезненным — Шэн Синъюань бил наотмашь, с мрачной решимостью. Не ожидавший такой прыти Хань Жуй покачнулся и едва удержался на ногах.

«Пойти на попятную решил?» — ледяным тоном спросил Шэн Синъюань.

Хань Жуй восстановил равновесие и глухо отозвался:

«Я просто считаю, что так будет честнее...»

«Значит, так? Когда тебе вздумается, мы сходимся, а когда ты решишь разыграть благородство и сосватать меня той девчонке — я должен покорно бежать к ней? — Шэн Синъюань в ярости ткнул пальцем в сторону КПП. — Давай, скажи только слово! Я прямо сейчас побегу за ней, пока она до станции не добралась! Ну же!»

«Не смей!!!» — вскипел Хань Жуй, в одно мгновение растеряв всю свою мнимую покорность и коршуном преградив ему дорогу.

«Горе ты мое... — выдохнул тогда Шэн Синъюань. Злость мгновенно улетучилась, оставив лишь щемящую нежность. — Ну и чего ты от меня добиваешься?»

«Я...»

«Ну что притих? Чтобы услышать от тебя правду, нам обязательно нужно запереться в ротном сортире?» — мягко поддразнил его Шэн Синъюань.

Хань Жуй сердито зыркнул на него из-под челки:

«Ты правда... ни капли не жалеешь?»

Шэн Синъюань тихо вздохнул, делая шаг навстречу:

«Мне что, грудь себе вскрыть и сердце тебе на ладони протянуть, чтобы ты наконец поверил?»

Хань Жуй промолчал, чувствуя, как к горлу подкатывает горячий комок. Почти все время их знакомства они варились в замкнутом мирке третьей роты, не соприкасаясь с прошлой жизнью друг друга. В этих стенах, среди сотни сослуживцев, Хань Жуй твердо знал себе цену и был уверен, что не уступит никому. Но внезапное появление Фан Сюэцзяо безжалостно напомнило ему, кем на самом деле являлся Шэн Синъюань в том, далеком гражданском мире — настоящим баловнем судьбы, недостижимой высотой.

Глядя на то, как эта хрупкая, холеная девушка плачет и умоляет, Хань Жуй впервые ощутил удушливый укол собственной неполноценности. Но Фан Сюэцзяо оказалась на удивление сильной. Когда она, гордо расправив плечи, зашагала прочь, он вдруг подумал, что именно такая пара идеально подошла бы Шэн Синъюаню.

А что же он сам? Неужели с его стороны было глупостью и эгоизмом так отчаянно требовать взаимности? Слепая ревность к Лу Ливэню заставила его сорваться с катушек, но теперь, остыв, он мало-помалу осознал: Шэн Синъюань слишком хорош, он заслуживает кого-то более достойного...

«Кто-то более достойный» — одна мысль об этом заставляла сердце сжиматься от невыносимой боли. Но стоило Шэн Синъюаню взорваться гневом, требуя ответа, как на душу снизошло странное, умиротворяющее спокойствие. Все его глупые метания были лишь следствием уязвимости. Как бы напоказ он ни храбрился, стоило Шэн Синъюаню действительно пригрозить уходом — и Хань Жуй понял, что костыли ляжет, но не отпустит его.

Такой сложный, упрямый и несносный человек...

«Ну что, растрогался до глубины души?» — Шэн Синъюань легонько щелкнул его по носу.

«Да ну тебя!»

«Насколько хороши другие — это их личные проблемы, нас они не касаются, — тихо проговорил Шэн Синъюань. — Я ведь парень разборчивый, абы на кого не посмотрю. Но уж если полюбил — то это раз и навсегда. — Он приобнял Хань Жуй за плечи, заглядывая в глаза. — Запомни: я соглашусь отпустить тебя лишь по одной-единственной причине.

«Какой же?»

«Если ты сам скажешь, что разлюбил меня».

Хань Жуй мгновенно вспыхнул до самых ушей.

«Кстати, о птичках. Кое о чем очень важном мы совсем позабыли», — с самым серьезным видом произнес Шэн Синъюань.

«О чем это?» — опешил Хань Жуй.

«Ты ведь мне так ни разу и не сказал, что любишь меня».

Хань Жуй лишился дара речи. Ну как можно быть настолько бесстыжим, чтобы заявлять такие вещи прямо в лоб!

«Эй, куда намылился? А ну стоять, сперва договорим!» — заметив, что тот собирается дать стрекача, Шэн Синъюань ловко заступил ему дорогу.

«Отвали!»

«Да ладно тебе, от пары слов не убудет! — канючил Шэн Синъюань, откровенно паясничая. — Ну скажи, любишь? А?»

«Я...» — Хань Жуй замялся. Припомнив уехавшую Фан Сюэцзяо, он понимал, что язык не повернется соврать.

«Ну, я весь внимание!» — Шэн Синъюань комично приставил ладонь к уху, приготовившись слушать.

Хань Жуй набрал в легкие побольше воздуха и с силой гаркнул ему прямо на ухо:

— Да пошел ты в баню со своей любовью!

<http://bllate.org/book/18240/1765411>